

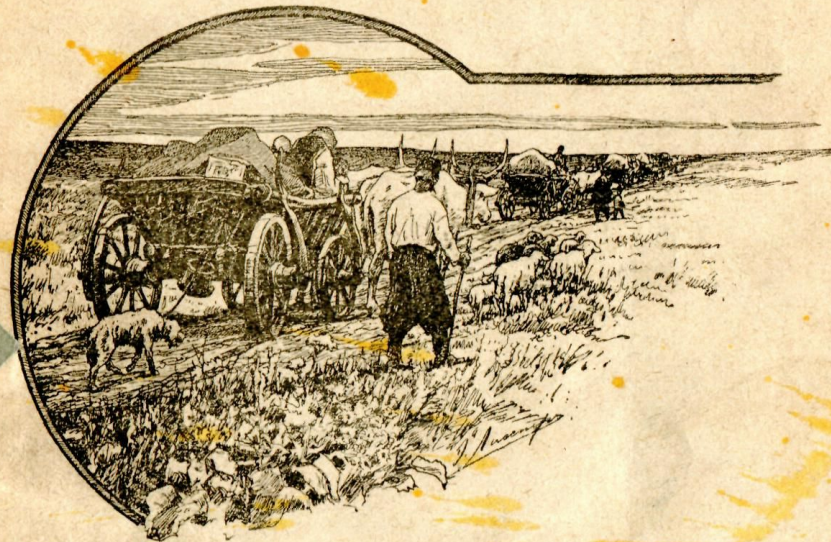
У 419
1044
Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ“
ВЪ МОСКВѢ

~~83~~
~~1022~~
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 1

ИВ. БУНИНЪ

НА КРАЙ СВѢТА
КАСТРЮКЪ

Москва 1917 г.

3148

И 419
1044

фр. ав.

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ“

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 1

~~Т 83
1022~~

Ив. БУНИНЪ

НА КРАЙ СВѢТА

КАСТРЮКЪ

Москва 1917 г.

НА КРАЙ СВѢТА

I

То, что такъ долго всѣхъ волновало и тревожило, наконецъ разрѣшилось: Великій Перевозъ сразу опустѣлъ на половину.

Много бѣлыхъ и голубыхъ хатъ осиротѣло въ этотъ лѣтній вечеръ. Много народу навѣкъ покинуло родимое село—его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгонъ, гдѣ такъ весело въ солнечное воскресное утро, когда кругомъ стоитъ говоръ, гудитъ бравью и спорами корчма, выкрикиваютъ торговки, поютъ нищѣ, пиликаетъ скрипка, меланхолично жужжитъ тихой музыкой лира, а важные воля, прикрывая отъ солнца глаза, сонно жуютъ сѣно подъ эти нестройные звуки; покинуло разноцвѣтные огороды и густыя верболозы съ матово-блѣдной длинной листвою надъ „криницею“, при спускѣ къ затону рѣки, гдѣ въ лѣтніе вечера въ водѣ что-то стонетъ—глухо и однотонно вѣтеръ дуетъ въ пустую бочку; навсегда покинуло родину для далекихъ Уссурійскихъ земель и ушло „на край свѣта“...

Когда на село, расположенное въ долинѣ, легла широкая прохладная тѣнь отъ горы, закрывающей западъ, а въ долинѣ, къ горизонту, все зарумянилось отблескомъ заката, зардѣлись рощи, вспыхнули алымъ глянцемъ изгибы рѣки и за рѣкой,

какъ золото, засверкали равнины песковъ,—на селѣ прекратилась суматоха, скрипъ телѣгъ, торопливый, отрывистый говоръ, и народъ, пестрѣющій яркими, праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, къ бѣлой старинной церковкѣ, гдѣ молились еще казаки и чумаки передъ своими далекими походами.

Тамъ, подъ открытымъ небомъ, между нагруженныхъ телѣгъ, въ многолюдной толпѣ, начался молебень, и въ толпѣ воцарилась мертвая тишина. Голосъ священника звучалъ внятно и раздѣльно, и каждое слово молитвы проникало до глубины каждаго сердца...

Много слезъ упало на этомъ мѣстѣ и въ былые дни. Стояли здѣсь когда-то снаряженные въ далекій путь „лицари“. Они тоже прощались, какъ передъ кончиной, и съ дѣтьми, и съ женами, и не въ одномъ сердцѣ заранѣе звучала тогда величаво-грустная „дума“ о томъ, „якъ на Черному морю, на білому камені сидить ясенъ сокіль-білозірець, жалібненько квилить-проквиліє“... Многихъ изъ нихъ ожидали „кайданы турецкіі, каторга бусурманская“, и „сиви туманы“ въ дорогѣ, и одинокая смерть подъ степнымъ курганомъ, и стаи орловъ сизокрылыхъ, что будутъ „на чорніи кудри наступати, зъ лоба очи козацькіі видирати“... Но тогда надо всѣмъ витала гордая казакская воля. А теперь стоитъ сѣрая толпа, которую навсегда выгоняетъ на край свѣта не прихоть казакская, а нищета, эти желтые пески, что сверкаютъ за рѣкою. И какъ на великой панихидѣ, заказанной по самомъ себѣ, тихо стоялъ народъ на молебнѣ съ поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали надъ ними, проносясь и утопая въ вечернемъ воздухѣ, въ голубомъ, глубокомъ небѣ...

А потомъ поднялись вопли... И среди гортаннаго говора, плача и криковъ двинулся обозъ по дорогѣ въ гору. Въ послѣдній разъ показался Великій Перевозъ въ родной долині—и скрылся... И самъ обозъ скрылся, наконецъ, за хлѣбами, въ поляхъ, въ блескѣ низкаго вечерняго солнца...

II

Провожавшіе возвращались домой.

Народъ толпами валилъ подъ гору, къ хатамъ. Были и такіе, что только вздохнули и пошли домой торопливо и безпечно... Но такихъ было мало.

Молча, покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые, хозяйственные мужики; плакали дѣти, которыхъ тащили за маленькія ручки отцы и матери; громко кричали молодыя бабы и дѣвчата.

Вотъ двѣ спускаются подъ гору, по бѣлой-каменистой дорогѣ. Одна, крѣпкая, невысокая, хмуритъ брови и разсѣянно смотритъ своими черными серьезными глазами куда-то въ даль, по долині. Другая, высокая, худенькая, плачетъ... Онѣ наряжены по праздничному, но какъ горько плачетъ дѣвушка, прижимая къ глазамъ рукава сорочки! Спотыкаются сафьяновые сапоги, на которые такъ красиво падаетъ изъ-подъ плахты бѣлоснѣжный подолъ...

— Зинька, слухай же!—говоритъ ей подруга быстрымъ умоляющимъ шопотомъ,—хай ему чортъ, чего ты плачешь?

Она никого не провожала—ни родныхъ, ни близкихъ; но и она крѣпко сдвигаетъ черныя брови, чтобы не расплакаться.

— Та слухай!—повторяетъ она,

— Отчепись, — вскрикиваетъ Зинька злобно. Но плечи ея вздрагиваютъ и сквозь слезы она прибавляетъ совсѣмъ по-дѣтски:

— Охъ, хибѣ жъ я чаяла!

Звонко, съ неудержимой радостью пѣла она до глубокой ночи, бѣгая на рѣку съ ведрами, когда отецъ Юхима твердо сказалъ, что не пойдетъ на новыя мѣста! А потомъ...

— Прокинулись сю нічъ, — говорилъ Юхымъ растерянно, — прокинулись вонъ, Зинька, та й кажутъ: „Идемо на переселеніе!“ — „Якъ же такъ, тату, вы жъ казали“... — „Ні, кажутъ, я сонъ бачивъ“...

А вотъ на горѣ, около мельницъ, стоитъ въ толпѣ стариковъ старый Василь Шкутъ. Онъ высокъ, широкоплечъ и сутуль. Отъ всей фигуры его еще вѣетъ степной мощью. Но какое у него скорбное лицо! Ему вотъ-вотъ собираться въ могилу, а онъ уже никогда больше не услышитъ родного слова и помретъ въ чужой хатѣ, и некому будетъ ему глаза закрыть. Передъ смертью оторвали его отъ семьи, отъ дѣтей и внучатъ. Онъ бы дошелъ, онъ еще крѣпокъ, но гдѣ же взять эти семьдесятъ рублей, которыхъ нехватило для разрѣшенія итти на новыя земли?

Старики, разсѣянно переговариваясь, каждый съ своей думой, стоятъ на горѣ. Они все глядятъ въ ту сторону, куда отбыли земляки.

Ужъ давно не стало видно и послѣдней телѣги. Опустѣла степь. Весело и кротко распѣваютъ, сыплютъ трели жаворонки. Мирно и спокойно догораетъ ясный день. Привольно зеленѣютъ кругомъ хлѣба и травы, далеко-далеко темнѣютъ курганы; а за курганами необъятнымъ полукругомъ простерся горизонтъ, — между землей и небомъ

охватываетъ степь полоса голубоватой воздушной бездны, какъ полоса далекаго моря.

— Що воно таке, сей Уссурійскій край? — думаютъ старики, прикрывая глаза отъ солнца, и напрягаютъ воображеніе представить себѣ эту сказочную страну на концѣ свѣта и то громадное пространство, что залегаетъ между ней и Великимъ Перевозомъ, мысленно увидать, какъ тянется длинный обозъ, нагруженный добромъ, бабами и дѣтьми, медленно скрипятъ колеса, бѣгутъ собаки и шагаютъ за обозомъ по мягкой пыльной дорогѣ, пригрѣтой догорающимъ солнцемъ, „дядьки“ въ широкихъ шароварахъ... Небось, и они все глядятъ въ эту загадочную голубоватую даль:

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?

А старый Шкутъ, опершись на палку, надвинувъ на лобъ шапку представляетъ себѣ возъ сына и съ покорной улыбкой бормочетъ:

— Я ему, бачите, і пилу, і фуганокъ давъ... І якъ хату строить вінъ теперь знае... Не пропаде!

— Богато людей загинуло! — говорятъ, не слушая его, другіе. — Богато, богато!

III

Темнѣетъ — и странная тишина царитъ въ селѣ.

Теплая южная сумерки неясной дымкой смягчаютъ вечернюю синеву глубокой долины, медленно затушевываютъ эту огромную картину широкой низменности съ темными кущами прибрежныхъ рощъ, съ тускло блестящими изгибами рѣчки, съ одинокими тополями, что чернѣютъ надъ долиной. Старинный Великій Перевозъ сѣрѣетъ своими скрученными хатами въ котловинѣ у подошвы каменистой горы. Смутно, какъ полосы спѣлыхъ ржей, желтѣютъ за рѣкой пески. За

песками опять, уже совсѣмъ неясно, темнѣютъ лѣса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается съ сумеречными небесами.

Все, какъ всегда, бывало въ этой мирной долинѣ въ лѣтнія сумерки... Но нѣтъ, не все! Много стоитъ хатъ темныхъ, забитыхъ и нѣмыхъ...

Уже почти всѣ разбрелись по домамъ. Пустьѣтъ дорога. Медленно идетъ по ней нѣсколько чело-вѣкъ, провожавшихъ переселенцевъ до близняго перекрестка.

Они чувствуютъ ту внезапную пустоту въ сердцахъ и непонятную тишину вокругъ себя, которая всегда охватываетъ чело-вѣка послѣ тревоги про-водо-въ, при возвращеніи въ опустѣвшій домъ. Спускаясь подъ гору, они глядятъ на село дру-гими глазами, чѣмъ прежде,—точно послѣ долгой отлучки.

Вотъ разстилается пахучій дымокъ надъ чьей-то хатой... покойно и буднично...

Вотъ красной звѣздочкой, среди темныхъ са-довъ, среди скученныхъ дворовъ, загорѣлся огонекъ...

Глядя на огоньки и въ долину, медленно рас-ходятся старики, и на горѣ, близъ дороги, оста-ются одни темные вѣтряки съ неподвижно рас-простертыми крыльями.

Молча идетъ подъ гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческаго горя, Василь Шкутъ. Мед-ленно отложилъ онъ калитку, медленно прошелъ черезъ дворикъ и скрылся въ хатѣ.

Хата родная. Но Шкутъ въ ней больше не хо-зяинъ. Ее купили чужіе люди и позволили ему только „дожить“ въ ней. Это надо сдѣлать по-скорѣе...

Въ тепломъ и душномъ мракѣ хаты выжида-тельно трюкаетъ сверчокъ изъ-за печки... Словно

прислушивается... Сонныя мухи гудятъ по по-толку... Старикъ, согнувшись, сидитъ въ темнотѣ и безмолвіи.

Что-то онъ теперь думаетъ? Можетъ-быть, про то, какъ гдѣ-то тамъ, по смутно блѣднѣющей дорогѣ тихо поскрипываетъ обозъ? — Э, да что про то и думать!

На блѣдно-свинцовомъ фонѣ маленькаго око-шечка, выходящаго въ садъ, чернѣютъ силуэты двухъ-трехъ покосившихся намогильныхъ кре-стовъ. Въ саду, возлѣ хаты, давнымъ-давно по-чиваютъ вѣчнымъ сномъ почти всѣ его родные... Онъ остался съ ними. Надо поскорѣе къ нимъ, въ ихъ „домовину“, въ дубовую „труну“. Пора на покой, на отдыхъ...

Звонкій дѣвическій голосъ замираетъ надъ се-ломъ за рѣкою:

Ой, зійди, зійди,
Ясенъ місяць!

Глубокое молчаніе. Южное ночное небо въ круп-ныхъ жемчужныхъ звѣздахъ. Темный силуэтъ не-подвижнаго тополя рисуется на фонѣ неба. Подъ нимъ чернѣетъ крыша, блѣднѣютъ стѣны хаты. Звѣзды сіяютъ сквозь листья и вѣтви...

IV

А они еще недалеко.

Они ночуютъ въ степи, подъ роднымъ небомъ, но имъ уже кажется, что они за тысячу верстъ ото всего привычнаго, родного.

Какъ цыганскій таборъ, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужинъ; то вели безпокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились другъ друга...

Наконецъ, все стихло.

Въ звѣздномъ свѣтѣ темнѣли безпорядочно скученные возы, виднѣлись фигуры лежащихъ людей и наклоненныхъ къ травѣ лошадей. Сторожевые, съ кнутами въ рукахъ, сонно ежились возлѣ телѣгъ, зѣвали и съ тоской глядѣли въ темную степь...

Но съ какой радостью встрепенулись они, когда услыхали скрипъ проѣзжей телѣги! Землякъ! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лѣтъ.

Разбуженные говоромъ, подымались съ земли и другіе и, застѣнчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телѣги проѣзжаго, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самаго свѣта...

Потомъ опять все затихло.

Взволнованные встрѣчей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали объ одномъ, — о далекой неизвѣстной странѣ на краю свѣта, о дорогахъ и большихъ рѣкахъ въ пути, о родномъ покинутомъ селѣ...

Холоднѣло. Все спало крѣпкимъ сномъ — и люди, и дороги, и межи, и росистые, наклонившіеся хлѣба.

Съ отдаленнаго хутора чуть слышно донесся крикъ пѣтуха. Серпъ мѣсяца, мутно-красный и поникшій на сторону, показался на краю неба. Онъ почти не свѣтилъ. Только небо около него приняло зеленоватый оттѣнокъ, почернѣла степь отъ горизонта, да на горизонтѣ выступило что-то темное. Это были курганы. И только звѣзды и курганы слушали мертвую тишину на степи и дыханіе людей, позабывшихъ во снѣ свое горе и далекія дороги.

Но что имъ, этимъ вѣковымъ молчаливымъ курганамъ, до горя или радости какихъ-то существъ,

которыя проживутъ мгновеніе и уступятъ мѣсто другимъ такимъ же — снова волноваться и радоваться и также безслѣдно исчезнуть съ лица земли? Много ночевавшихъ въ степи обозовъ и становъ, много людей, много горя и радостей видѣли эти курганы.

Однѣ звѣзды, можетъ-быть, знаютъ, какъ свято человѣческое горе!

КАСТРЮКЪ

I

Внезапно выскочивъ изъ-за крайней избы, съ левой дороги, во всю прыть маленькихъ лошадокъ летѣли по деревенской улицѣ барчуки изъ Залѣснаго. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались вперегонки, и вѣтеръ пузырями надувалъ на ихъ спинахъ ситцевыя рубашки. Теленокъ шарахнулся отъ нихъ въ сѣнцы, куры и впереди нихъ пѣтухъ, присѣдая къ землѣ, неслись куда глаза глядятъ. Но отчаяннѣе всѣхъ улепетывала по деревенской улицѣ маленькая бѣлоголовая дѣвочка въ одной рубашонкѣ. Обезумѣвъ отъ страха, она вскочила на огороды, нѣсколько разъ съ размаху упала по дорогѣ и вдругъ увидала въ воротахъ риги дѣдушку. Съ звонкимъ крикомъ бросилась она въ его колѣни.

— Что ты, что ты, дурочка?—закричалъ и дѣдъ, ловя ее за рубашку.

— Барчуки... на жеребцахъ!—захлебываясь отъ слезъ, едва могла выговорить внучка.

Дѣдъ усадилъ ее на колѣни, началъ уговаривать.

Внучка скоро затихла и, изрѣдка всхлиывая, обиженнымъ, вздрагивающимъ голосомъ начала рассказывать, какъ было дѣло.

Поглаживая ее по головѣ, дѣдъ задумчиво улыбался.

Въ ригѣ было прохладно и уютно. Въ мягкую темноту ея изъ глубины яснаго весенняго неба влетали ласточки и съ чиликаньемъ садились на переметы, на сани, сложенные въ уголь риги. Все было ясно и мирно кругомъ—и на деревнѣ, и въ далекихъ зазеленѣвшихъ поляхъ. Утреннее солнце мягко пригрѣло землю, и по-весеннему дрожало вдали тонкій паръ надъ ней. Тамъ, въ поляхъ подымалась пашня, блестящіе черные грачи перелетали около сохъ. Здѣсь, на деревнѣ, въ холодкѣ отъ избъ, только дѣвочки тоненькими голосками напѣвали пѣсни, сидя на травѣ за коклюшками. Кромѣ ребятишекъ и стариковъ, всѣ были въ полѣ—даже всѣ Орелки, Буянки и Шарики.

Дѣдъ сегодня первый разъ за всю жизнь остался дома на стариковскомъ положеніи. Старуха померла мясоѣдомъ. Самъ онъ пролежалъ всю раннюю весну и не видалъ, какъ деревня уѣхала на первыя полевые работы. Къ концу Фоминой онъ сталъ выходить, но еще и теперь не поправился какъ слѣдуетъ. И вотъ, всѣми обстоятельствами деревенской жизни, вынужденъ онъ проводить самое дорогое для работы утро дома!

— Ну, Кастрюкъ (дѣда всѣ такъ звали на деревнѣ, потому что, выпивши, онъ любилъ пѣть про Кастрюка старинныя веселыя прибаутки),—ну, Кастрюкъ,—говорилъ ему на зарѣ сынъ, выравнивая гужи на сохѣ, между тѣмъ какъ его баба зашпиливала веретѣ на возу съ картошками,—не тужи тутъ, поглядывай обаполь дему да за Дашкой-то... Кабы ее телушка не забрухала...

Дѣдъ, безъ шапки, засунувъ руки въ рукава полущубка, стоялъ около него.

— Кому Кастрюкъ—тебѣ дяденька,—говорилъ онъ съ разсѣянной улыбкой.

Сынъ, не слушая, затягивалъ зубами веревку и продолжалъ дѣловымъ тономъ.

— Твое дѣло, братъ, теперь стариковское. Да и горевать-то, почестъ, не по чемъ: оно только съ виду сладко хрипъ-то гнать.

— Да ужъ чего лучше!—отвѣчалъ дѣдъ машинально.

Когда сынъ уѣхалъ, онъ сходилъ зачѣмъ-то въ пуньку, потомъ передвинулъ въ тѣнь водовозку— все искалъ себѣ дѣла. То онъ бережливо, согнувъ старую спину, сметалъ муку въ закромъ, то тамъ и сямъ тюкалъ топоромъ... Въ ригъ онъ сѣлъ и пристально чистилъ трубку мѣдной канаушкой. Иногда ворчалъ:

— Долго ли пролежалъ,—глядь, ужъ вездѣ безпорядокъ, А умри—и все прахомъ пойдетъ!

Иногда старался подбодрить себя. „Небось!“ — говорилъ онъ кому-то съ задоромъ и значительно; иногда подергивалъ плечами и съ ожесточеніемъ выговаривалъ: „Былъ конь да уѣздилися“... Но чаще опускалъ голову.

Закипѣли въ колодезяхъ воды,
Заболѣло во молодца сердце—

напѣвалъ онъ, и ему вспоминалось прежнее, мысли тянулись къ тому времени, когда онъ былъ хозяиномъ, работникомъ, молодымъ и выносливымъ... Глядя внучку по головѣ, онъ съ любовью перебиралъ въ памяти, что въ такой-то годъ, въ эту пору онъ сѣялъ, и съ кѣмъ выходилъ въ поле, и какая была у него тогда кобыла...

Внучка шопотомъ предложила пойти наломать вѣничковъ, про которые мать уже давно толковала. Дѣдъ легкомысленно забылъ про пустую избу и, взявъ за руку внучку, повелъ ее за деревню. Идя по мягкой давно неѣзженной полевой дорогѣ, они

незамѣтно отошли отъ деревни съ версту и принялись ломать поленъ.

Вдругъ Дашка встрепенулась.

— Дѣдушка, глянь-ка!—заговорила она быстро и нараспѣвъ,—глядь-ка! Ахъ, ма-а-тушки!

Дѣдъ глянулъ и увидалъ бѣгущій вдаль поѣздъ. Онъ торопливо подхватилъ внучку на руки и вынесъ ее на бугорокъ, а она тянулась у него съ рукъ и радостно твердила:

— Дѣдушка! Рысью, рысью!

Поѣздъ разрастался и подъ уклонъ работалъ все быстрѣе, весь блестя на солнцѣ. Долго и напряженно глядѣла Дашка на бѣгущіе вагоны.

— Должно, къ завтраму пріѣдетъ,—сказала она въ раздумьи.

Блестя трубой, цилиндрами, мелькающими поршнемъ, колесами, поѣздъ тяжелымъ взмахомъ урагана пронесся мимо, завернулъ и, мелькнувъ заднимъ вагономъ, сталъ сокращаться и пропадать вдаль. Жаворонки пѣли въ тепломъ воздухѣ... Весело и важно кагакали грачи. Цвѣли цвѣты въ травѣ около линіи... Спутанный меренокъ, пофыркивая, щипалъ подорожникъ, и дѣдъ чувствовалъ, какъ даже мерину хорошо и привольно на весеннемъ корму, въ это ясное утро.

— Здорово, сударушка, — закричалъ онъ, завидѣвъ идущаго по рельсамъ сторожа-солдата.— „Здравія желаемъ, ваше благородіе!“—прибавилъ онъ, чтобы поддѣлаться къ солдату и поболтать немного.

— Здравствуй, — сказалъ солдатъ сухо, не вынимая изо рта трубки.

— Иди, сударушка, покуримъ, — продолжалъ дѣдъ, — погудоръ съ Кастрюкомъ. Я, братъ, нонѣ тоже замѣстъ часового приставленъ.

— Я путь должонъ обревизовать къ прибытію

второго номера, — отвѣтилъ сторожъ и, наклонившись, тюкнулъ молоткомъ по рельсѣ и пошелъ дальше.

Дѣдъ застѣнчиво улыбнулся и крикнулъ солдату вдогонку:

— А то погодить бы!

Солдаты не обернулись.

По дорогѣ назадъ дѣдъ поболталъ съ пастухами и полюбовался на стадо.

— Дюже хороши понѣ корма будутъ! — сказалъ онъ.

— Хороши, — отвѣтилъ подпасокъ и вдругъ съ крикомъ: азадъ, смертныя! — бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по парку. Жеманно, на разные лады, тонкими голосками перекликались ягнята. Одинъ, упавъ на колѣни, засовалъ мордочкой подъ пахъ матери и такъ торопливо, дрожа хвостикомъ и подталкивая ее, сталъ сосать, что дѣдъ засмѣялся отъ удовольствія...

II

Поспѣшно подходя къ своей избѣ, онъ увидалъ, что по выгону, прямо къ ней, ѣдетъ молодой баринъ изъ Залѣснаго, и бросился отгонять подъ гору сосѣдскую кобылу: вороной барскій жеребецъ весь заигралъ и заплясалъ, выгибая шею.

Сдерживая его и сгибая своей тяжестью дрожки, баринъ въѣхалъ въ тѣнь избы и остановился. Дѣдъ почтительно сталъ у порога.

— Здравствуй, Кастрюкъ, — сказалъ баринъ ласково и, отирая красное лицо съ рыжей бородой, досталъ папиросы.

— Жарко! — прибавилъ онъ и протянулъ папироску и дѣду.

— Непривычны, Миколай Петровичъ, — захихи-

калъ тотъ. — Трубочку вотъ, а то шкаликъ — другой красненькаго — это мы, старики, любимъ!

— А я было къ вамъ по дѣльцу, — началъ Николай Петровичъ, отдуваясь. — Ыздилъ повѣщать на Мажаровку... надѣвай шапку-то, Семенъ! да вотъ, кстати, и къ вамъ. Дѣвокъ своихъ не пошлете ли ко мнѣ?

— Аль еще не сажали? — спросилъ дѣдъ участливо.

— Запоздали нынче... не я одинъ.

— Запоздали, Миколай Петровичъ, запоздали...

— Я... — продолжалъ баринъ и вдругъ такъ зычно гаркнулъ: „балуй“, что дѣдъ со всѣхъ ногъ бросился держать жеребца.

— Немножко-то посадилъ, — опять началъ баринъ, а пора и совсѣмъ управиться. Дѣвчонокъ-то своихъ и турили бы ко мнѣ.

— Разя одинъ совладаешь, Миколай Петровичъ?

— Да ты скажи своимъ-то.

— Солдатка-то дома, что-ль? — спросилъ дѣдъ дѣловымъ тономъ у подошедшей старухи и замаялся.

— Кабы солдатка была, она бы сбила, — сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь. — А я, сударушка, дома нонѣ сижу... Мнѣ и отойти нельзя... Кабы прежнее мое дѣло, покоситься тамъ али подъ паринку, — я бы единымъ духомъ.

— Жалко, — сказалъ баринъ задумчиво. — Видно, вечеркомъ заверну, — и взялся за вожжи.

Чтобы какъ-нибудь задержать его, дѣдъ вдругъ сказалъ:

— Ты, сударушка, нанялъ бы меня въ работники...

— Что жъ, нанимайся, сказалъ баринъ, разсѣянно улыбаясь...

— А когда заступать?

Баринъ пристально поглядѣлъ на него и качнулъ головою.

— Заступать когда? Эка ты шустрый какой!

— Я-то, сударушка? Да я ихъ всѣхъ, молоденькихъ-то, за поясъ заткну! Я еще жениться хочу! Да на свадьбѣ еще плясать буду!

— Да ужъ ты! — перебилъ баринъ, усмѣхаясь, ударилъ вожжей жеребца и покатылъ по выгону.

Дѣдъ постоялъ, подумалъ...

Все говорило ему, что онъ теперь отжившій человѣкъ. Такъ только, для дому нуженъ, пока еще ноги ходятъ... „Ишь покатылъ!“ подумалъ онъ съ сердцемъ, глядя вслѣдъ убѣгающимъ дрожкамъ, и пошелъ вынимать изъ печки похлебку.

Пообѣдавъ, внучка съ ребятишками ушла въ лужокъ за баранчиками. Всѣ они такъ жалобно просились пустить ихъ, что дѣдъ не могъ устоять. Только сказалъ:

— Не найдете, ребята, развѣ snyтку только...

Въ избѣ дѣдъ отъ нечего дѣлать снова принялся за ѣду. Онъ натеръ себѣ картошекъ, налилъ въ нихъ немного молока (боялся, что и за это сноха будетъ ругаться) и долго ѣлъ мѣсиво.

Въ пустой избѣ стоялъ горячій, спертый воздухъ. Солнце сквозь маленькія, склеенныя изъ кусочковъ мутныя стекла било жаркими лучами на покоробленную доску стола, которую, вмѣстѣ съ крошками хлѣба и большой ложкой, чернымъ роємъ облѣпили мухи.

Вдругъ дѣдъ съ радостью вспомнилъ, что есть еще дѣло — достать изъ-подъ крыши пачку листовой махорки, раскрошить ее и набить трубку. Влѣзая въ сѣнцахъ по каменной стѣнѣ подъ застрѣху, онъ едва не сорвался — голова у него закружилась, въ спинѣ заломило... Овъ опять съ горечью подумалъ о своей старости и, уже лѣнливо дота-

щившись до порога избы, на который еще надала тѣнь, медленно занялся дѣломъ.

Въ полдень деревня вся точно вымерла. Тишина весенняго знойнаго дня очаровала ее...

Старухи-сосѣдки долго „искались“ подъ старой лозиною на выгонѣ, потомъ легли, накрыли головы занавѣсками и заснули. Самые маленькіе ребятишки хлопотливо лѣпили изъ глины ульи, собравшись въ размытомъ спускѣ около пруда. Изрѣдка мычалъ теленокъ, привязанный за кольцо около спящихъ бабъ. Изрѣдка доносился крикъ пѣтуха и нагонялъ на деревню тихую дрему. А въ поляхъ попрежнему заливались жаворонки, зеленѣли всходы и по горизонтамъ, какъ расплавленное стекло дрожалъ и струился паръ.

Дѣдъ легъ около пуньки, стараясь заснуть. Для этого онъ старался представить себѣ, какъ шумитъ лѣсъ, какъ ходитъ волнами рожь на буграхъ по вѣтру и шуршитъ, переливается, и слегка покачивался самъ. Но сонъ не приходилъ.

Лежа съ закрытыми глазами, дѣдъ все думалъ о своей старости.

Теперь, небось, Андрей крѣпко спитъ подъ телѣгою. Дѣду же, можетъ-быть, до самой смерти не придется больше заснуть въ полѣ. Въ рабочую пору онъ будетъ проводить долгіе, знойные дни наединѣ съ внучкою... А вѣдь было время — лучше его не косилъ никто во всей округѣ. Бывало, когда всей деревней косили у барина, онъ всѣхъ велъ за собою. Да никто не могъ и выпить больше его, когда, вернувшись гурьбой съ поля на господскій дворъ, мужики усаживались около амбара за ведромъ водки и начиналась „Веселая бесѣдушка“.

Никогда, однако, не пропивалъ онъ ума-разума. Все у него было всегда въ порядкѣ: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была

всегда въ тѣлѣ („печка!—говорили мужики,—хоть спать ложись на спинѣ!“), и свадьбу сына онъ справилъ всѣмъ на удивленіе. Вся деревня собралась смотрѣть, когда на первый, послѣ княжаго пира, престольный праздникъ Андрей поѣхалъ къ тестю. Рядомъ со своей разряженной бабой сѣлъ онъ въ новые „козырьки“, покрытые цвѣтной попоной, выставилъ за грядку одну ногу въ валенкѣ и покатилъ по выгону... Дѣдъ надѣялся тогда, что подъ старость будетъ у него первая во всей деревнѣ семья, что никому не позволить онъ ссориться, заводить дѣлежи...

— Пирогі ситные въ обмочку, думалъ, буду ѣсть,—пробормоталъ онъ.

Анъ все вышло не по-гаданному.

Младшій сынъ отдѣлился, а старшій хотя и остался съ нимъ, да немного вышло проку... Главное же—старуха всѣхъ подрѣзала. Умерла въ самое плохое, голодное время. Да ослабѣли и его ноженъки, и придется ему теперь до смерти сидѣть съ ребятишками, въ родѣ караульщика.

— Ишь, ровесникъ-то мой,—подумалъ онъ съ озлобленіемъ,—Салтанъ-то—и то убегъ со двора!

И чего онъ, дѣдъ, маялся на свѣтѣ и на что надѣялся—Богъ его знаетъ!

— Ни почету не дождался,—думалъ дѣдъ, вспоминая сына, посадившаго его караульщикомъ,—ни богатства—ничего! И помрешь вотъ-вотъ и ни одинъ кобель по тебѣ не вззоетъ!

III

Дологъ этотъ день показался ему.

Дашка воротилась изъ лужка и присоединилась къ ребятамъ, игравшимъ въ спускъ.

— Ай ужъ и мнѣ пойтить къ нимъ свистульки дѣпить?—думалъ дѣдъ съ горькой улыбкой—и наконецъ не выдержалъ.

— Посмотри, сударушка, за избой,—сказалъ онъ старухѣ-сосѣдкѣ, которая около пуньки медленно скатывала холсты.

— Ай соскучился?—спросила та жалобно.

— Соскучился, сударушка! И какъ только это вы, бабы, дома сидите?

— А ты надолго, небось?

— Нѣтъ, я сейчасъ, въ одну минутую...

До заката было еще далеко. Но Андрей долженъ былъ, по расчетамъ дѣда, управиться раньше вечера. Онъ поглядывалъ на солнце и рѣшалъ, что осминникъ надо досадить именно къ этой порѣ.

На выгонѣ онъ встрѣтилъ возвращавшагося съ поля Глѣбочку. Глѣбочка, высокій, худощавый мужикъ съ веснушками на блѣдномъ лицѣ и съ опухшими красными вѣками, въ старомъ полушубкѣ, изъ лохматыхъ дыръ котораго видѣлась бѣлая рубаха, покачивался, сидя бокомъ на спинѣ лошади; перевернутая соха тащилась сзади, дребезжа палицей о подвой.

— Ай, сударушка, разохи-то пропишь?—пошутить дѣдъ.

— Пропишь,—съ блѣдной улыбкой отвѣтилъ Глѣбочка.

— А мои скоро?

— Должно, вдутъ.

— Гдѣ же дѣвки-то твои?

— Дѣвти идуть,—отвѣтилъ Глѣбочка картаво.

На валу, подъ молодыми лозинками, дѣдъ сѣлъ и, шураясь отъ низкаго солнца, глядѣлъ въ даль, по дорогѣ.

Тишина кроткаго весенняго вечера стояла въ

полѣ. На востокѣ чуть вырисовывалась гряда неподвижныхъ нѣжно-розовыхъ облаковъ. Къ закату собирались длинныя перистыя ткани тучекъ... Когда же солнце слегка задернулось одной изъ нихъ, въ полѣ, надъ широкой равниной, влажно зеленѣющей всходами и пестрѣющей паромъ, тонко, нѣжно засинѣлъ воздухъ. Безмятежныѣ и еще слаще, чѣмъ днемъ, заливались жаворонки. Съ паровъ пахло свѣжестью, зацвѣтающими травами, медовой пылью желтаго донника... Дѣдъ закрывалъ глаза, прислушивался, убаюкиваясь.

— Эхъ, кабы теперь дождичка,—думалъ онъ,—то-то бы ржи-то поднялись! Да нѣтъ, опять солнышко чисто садится!

Вспоминая, что и завтра предстоитъ ему стариковскій день, онъ морщился, придумывалъ, какъ бы избавиться отъ него. Онъ досадливо качалъ головою, скребъ спину, облеченную въ длинную стариковскую рубаху... и наконецъ пришелъ къ счастливой мысли!

— Ну, прикончилъ?—говорилъ онъ черезъ полчаса заискивающимъ тономъ, шагая рядомъ съ сыномъ и держась за оглоблю сохи.

— Кончить-то кончилъ,—отвѣчалъ Андрей ласково,—а ты-то какъ? Небось, соскучился?

— И-и, не приведи Богъ!—воскликнулъ дѣдъ ото всего сердца.—Сослужилъ, братъ, службу... не хуже какого-нибудь солдата стараго на капустѣ!

И смѣясь, желая не придавать своимъ словамъ просящаго выраженія, попросился въ почное.

— Съ ребятами... а?—сказалъ онъ, заглядывая сыну въ глаза.

— Что жъ, веди!—отвѣтилъ Андрей.—Только не забудь на поляхъ кобылу напоить.

Дѣдъ закашлялся, чтобы скрыть свою радость.

IV

На закатѣ, послѣ ужина, положилъ онъ на спину кобылы зипунъ и полушубокъ, взвалился на нее животомъ и рысцой тронулъ за ребятами.

— Эй, погоди старика,—кричалъ онъ имъ.

Ребята не слушали. Старостинъ сынишка обскакалъ его, растарачивъ босыя ножки на спинѣ кругленькаго и екающаго селезенкой мерина. Легкая пыль стлалась по дорогѣ. Топотъ небельшого табуна сливался съ веселыми криками и смѣхомъ.

— Дѣдъ,—кричали нѣкоторые тоненькими голосками,—давай на обгонки!

Дѣдъ легонько поталкивалъ лаптями подъ брюхо кобылы.

Въ лощинкѣ, за версту отъ деревни, онъ завернулъ на прудъ.

Отставивъ увязшую въ тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей отъ тонко поющихъ комаровъ, кобыла долго-долго, однообразно сосала воду, и видно было, какъ вода волнисто шла по ея горлу. Передъ концомъ питья она оторвалась на время отъ воды, подняла голову и медленно, тупо оглядѣлась кругомъ. Дѣдъ ласково посвисталъ ей. Теплая вода капала съ губъ кобылы, а она не то задумалась, не то залюбовалась на тихую поверхность пруда. Глубоко-глубоко отражались въ прудѣ и берегъ, и вечернее небо, и бѣлыя полоски облаковъ. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались въ одну отъ тихо раскатывающегося все шире и шире круга по водѣ... Потомъ кобыла сдѣлала еще нѣсколько глотковъ, глубоко вздохнула и, съ чмоканьемъ вытащивъ изъ тины одну за другою ноги, вскарабкалась на берегъ и словно прснулась, ожила.

Позвякивая полуоторванной подковой, бодрой иноходью пошла она по темнѣющей дорогѣ. Отъ долгаго дня у дѣда осталось такое впечатлѣніе, словно онъ пролежалъ его въ болѣзни и теперь выздоровѣлъ. Онъ весело покрикивалъ на кобылу, вдыхалъ полной грудью свѣжѣющій вечерній воздухъ.

„Не забылъ бы подкову оторвать“,—думалъ онъ.

Въ полѣ ребята курили донникъ, спорили, кому въ какой чередъ дежурить.

— Будя, ребята, спорить-то,—сказалъ дѣдъ.— Караулъ пока ты, Васька,—вѣдь, правда, твой чередъ-то. А вы, ребята, ложитесь. Только смотри, не ложись головой на межу-домовой отдавить!

А когда лошади спокойно вникли въ кормъ и прекратилась возня улегшихся рядышкомъ ребятъ, смѣхъ надъ коростелью, которая отъ того такъ скрипитъ, что деретъ ногу объ ногу, дѣдъ постлалъ себѣ у межи полушубокъ, зипунъ и чистымъ сердцемъ, съ благоговѣніемъ сталъ на колѣни и долго молился на темное, звѣздное, прекрасное небо, на мерцающій млечный путь—святую дорогу ко граду Іерусалиму.

Наконецъ, и онъ легъ.

Темнота разливалась надъ безбрежной равниной. Въ свѣжести весенней степной ночи тонули поля. За ними, за ночнымъ мракомъ, слабо, какъ одинокая мачта, на слабомъ фонѣ заката маячили силуэты далекой-далекой мельницы...

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

№№

1. Ив. Бунинъ.—На край свѣта.—Кастрюкъ. 20 к.
2. " На чужой сторонѣ.—Танька. 20 к.
3. С. Елпатьевскій.—Гекторъ. 15 к.
4. Н. Златовратскій.—Мечтатели. 40 к.
5. Н. Никандровъ.—Береговой вѣтеръ. 25 к.
6. А. Серафимовичъ.—Въ бурю. 15 к.
7. " Стрѣлочникъ. 15 к.
8. " На льдинѣ. 15 к.
9. " Подъ праздникъ. Изд. 2-е 30 к.
10. Н. Телешовъ.—Вѣрный другъ. 15 к.
11. К. Трневъ.—Шесть недѣль.—Омелько. 25 к.
12. Елпатьевскій.—„Отлетаетъ мой соколикъ“. Изд. 2-е 20 к.
13. В. Вересаевъ.—Звѣзда. 15 к.
14. Ив. Бунинъ.—Весенній вечеръ. 15 к.
15. А. Вересаевъ.—Лизаръ.—Къ спѣху. 15 к.
16. Г. Яблочковъ.—Старикъ Пѣтуховъ. 25 к.
17. " Горбатый Карлъ. Смерть Мюллера. 15 к.
18. И. Шмелевъ.—По приходу. 15 к.
19. " Какъ надо. 15 к.
20. " Лѣсъ. 15 к.
21. В. Вересаевъ.—Въ степи. 15 к.
22. Н. Тимковскій.—Мѣсто 25 к.
23. В. Короленко.—Черкесъ. 30 к.
24. " На затменіи. 40 к.
25. А. Серафимовичъ.—Заяць. 25 к.
26. И. Сургучевъ.—Преддверіе. 25 к.
27. К. Трневъ.—Въ станицѣ 35 к.
28. Ал. Толстой.—Местъ 25 к.
29. А. Кипень.—Ливерантъ. 45 к.
30. В. Короленко.—Ночью 40 к.
31. Ал. Н. Толстой.—На подводной лодкѣ.
32. Б. Зайцевъ.—Смерть.

Цѣна 20 к.